

В современных условиях особое значение в области недвижимости приобретает четкое установление порядка управления, направленного на достижение баланса государственного и частных интересов. В соответствии со стратегическими интересами Российской Федерации, система управления недвижимостью должна обеспечить политическую и экономическую безопасность страны.

Прудников А.Ю.,

г. Пермь

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ ЕВРАЗИЙСТВА В КОНТЕКСТЕ ДИХОТОМИИ ВОСТОК-ЗАПАД

Евразийство по своему названию, имеющему "синтезную" природу, (объединяющее в себе две компоненты: Европу и Азию), стремилось представляться и "синтезной" идеологией. Главный субъект всей идеологии и политической доктрины евразийства – особый континент «Евразия» представал у евразийцев порубежьем миров Запада и Востока, Европы и Азии, революции и традиции, индивидуализма и коллективизма, безбожия и духовности и т.д. Однако всегда ли Евразия, и все что она собой символизирует, отождествлялась в евразийстве с синтезом? Именно этот вопрос, как нам кажется, является узловым для евразийской идеологии в целом и политической философии евразийства в частности.

Поначалу отрицание Запада ("романо-германской культуры", Европы в терминологии Трубецкого) стало сутью евразийства. "Движение осудило Европу до того, как стало проповедовать Евразию" [1], - справедливо отмечает М. Ларюэль. Так, книга Н.С. Трубецкого "Европа и человечество", издание которой послужило первым шагом к возникновению евразийства, насквозь пропитана антиевропейской риторикой, европофобией и призывами ко всему остальному человечеству скорее освободиться от «западопоклонничества», обрекающего его на отставание и духовное и технологическое.

Критикуя Европу, евразийцы порицали образ современности, все то, что было связано с европейской модерностью (капитализм, парламентская демократия, секулярность и т.д.), и оттого вольно или невольно именно отрицание Европы занимало их более всего. Как отмечает С. Глебов, "вся идеология евразийства была сфокусирована на конструировании и поддержании множественности границ между Европой и Россией-Евразией [2]. Активное отрицание Европы, особенно из уст Трубецкого, сочеталось в раннеевразийстве с особым пиететом к Востоку, в адрес которого идеологи движения не скупились на дифирамбы: «Наше отношение к Азии интимнее и теплее, ибо мы друг другу родственнее» [3]. Одновременно звучала и антиевропейская максима, евразийство представлялось пусть и не как "проповедь священной войны Европе", но как "признание европейской культуры за еретическую, ... искаженную и неудержимо стремящуюся к своей гибели» [4] .

Антиевропеизм Трубецкого скорее, являет собой пример «несинтезной» концепции Евразии. Россия-Евразия у Трубецкого представала как антиевропейский полюс, при этом не отождествлявшийся с реальной Азией, народами и культурами, которые никогда не входили в состав России (Китай, Индия, Иран и др.). Восток Трубецкого, таким образом, оказывался тождественным самой России, историческое прошлое которой, политическая модель Московской Руси (предполагавший, по Трубецкому, полное слияние государства и общества, их неразрывность и неавтономность в отношении друг от друга) и есть идеал, достойный повторения в будущем.

Однако характеризовала ли формула Трубецкого всё евразийство, и можно ли с уверенностью говорить о евразийстве исключительно как об апологии антизападничества и "проориентализма", и все ли евразийцы и всегда ли однозначно отвергали Запад, предпочитая ему Восток?

С нашей точки зрения, евразийский синтез оказывался изначально благоприятной средой для существования в нем альтернативных дискурсов, в

которых по-разному разрешался вопрос конструируемого евразийцами конфликта Запада и Востока. Определяя Россию через отрицание, как особый мир, в котором Евразия есть *ни* Европа, *ни* Азия, евразийцы получали широкое поле для маневра, ведь "ни - ни" могло в каких-то случаях быть тождественным смысловой паре "и...и", а равно "и то и другое", или же как "ни то ни другое, но нечто третье".

Как утверждает Г.Ю. Ситнянский, евразийство изначально распадалось на два лагеря, на евразийцев-антилибералов, антизападников, среди которых тон задавал Н.С. Трубецкой, и на тех, кто считал, что "признание евразийской сущности России не противоречит ее интеграции в Европу" [5]. К числу последних, по мнению Ситнянского, следует отнести П.М. Бицилли, Ф.А. Степуна, Г.П. Флоровского и Г.В. Вернадского, которых автор предлагает считать сторонниками "евразийско-либеральной" точки зрения на основании их проевропейских высказываний. Тем не менее, стоит обратить внимание, что суждения персон, на которые ссылается Ситнянский (статьи П.М. Бицилли "Два лика евразийства", Ф.А. Степуна "Россия между Европой и Азией", Г.П. Флоровского "Евразийский соблазн") опубликованы ими уже после разрыва с евразийским движением и чаще всего рассматриваются исследователями как примеры критики евразийства. Вместе с тем, тот факт, что все эти авторы вышли из рядов именно евразийского движения, придерживаясь мнения о непропорциональном увлечении евразийцев Востоком, говорит о том, что суждения Ситнянского небезосновательны.

Остается актуальным вопрос, сохранилась ли амбивалентность и непоследовательность евразийства относительно критики Европы и Запада в целом в евразийстве после выхода из него перечисленной когорты бывших членов движения, и проявилась ли эта двойственность в государственном проекте и политической философии евразийства?

Из-за обвинений в проазиатском крене евразийства и недостаточном его внимании к европейской компоненте (эти обвинения рождались из-за дословного прочтения понятия евразийство, что многими воспринималось

как синтез Европы и Азии) П.Н. Савицкий в 1931 году в статье "В борьбе за евразийство (в которой он критикует оценки, данные евразийству его оппонентами) пишет: «приходится разъяснить, что евразийство не понимает и никогда не понимало своей линии, как "средней". Евразия - это не "микстумкомполитум" [6] Востока и Запада. Это - неповторимая личность. Но именно неповторимость ее и не позволяет отождествлять Евразию с Азией, заключающей целый ряд своеобразных и отличных от Евразии миров» [7].

В данном случае мы видим, что формула "ни...ни" начинает проявляться более эксплицитно, нежели в период объявленного евразийцами "исхода к Востоку", она уже более явно отсылает к идее "третьего" континента, который суть нечто самодовлеющее и закрытое (в большей степени для Европы, судя по риторике евразийцев) для остальных миров.

Впрочем, в 30-е годы категоричное "ни...ни" постепенно начнет сдвигаться в сторону смысловой пары "и...и", и Евразия уже будет скорее представляться как "гибрид", тот самый "микстумкомполитум", который категорически пытался отрицать П.Н. Савицкий. И этот шаг, с нашей точки зрения, будет, пусть и имплицитно, но вести в сторону смягчения антизападнических настроений в евразийстве. Как нам представляется, наиболее явственно эта тенденция проявится в творчестве главного политолога евразийства Н.Н. Алексеева. В 1935 году (на закате существования евразийства как политического движения) он представит евразийство именно как синтез Востока и Запада, в котором следует уравновесить и тот и другой элементы, найти консенсусный эквилибриум, дабы не скатиться в крайности. В этом контексте евразийство предстает золотой серединой, а не "внутренним" Востоком, олицетворяющим готовый идеал, который напроць закрыт для западных влияний (как это было у Трубецкого, который отстаивал тезис, что политическая традиция России воплотилась в "бытовом исповедничестве", в иосифлянстве, в то время как

Алексеев настаивал на том, что эта традиция являлась корнем зла, приведшем к революции 1917 года.).

По Алексееву, выходит так, что и с Востоком (даже «внутренним», московско-русским, о котором вел речь кн. Трубецкой) можно переборщить, так же как и с Западом, растворив личность в безраздельном восточном коллективизме, лишив ее какой-либо автономии. По Алексееву, восточный "перекос" в России проявляется именно в социально-политической сфере, именно в ней он призывает создать гармоничное сочетание индивидуального и коллективного, разрешить вопрос диалектически [8].

На наш взгляд не случаен тот факт, что те из евразийцев, кто избежал участи быть перемолотыми в жерновах нацистских и советских репрессий в ходе Второй мировой войны и таким образом "пережили" движение и смогли оценить его идеологию с позиций послевоенного мира оказались намного более лояльными к Западу и его ценностям, нежели это было ранее. Это хорошо видно на примере позднего творчества Г.В. Вернадского, пытавшегося примирить в своих исторических концепциях Восток и Запад в истории России и Н. Н. Алексеева, в послевоенный период жестко критиковавшего платоновские идеалы как путеводную нить фашистских диктатур в Европе [9]. Особенно рельефно эта тенденция проявилась в творчестве С.С. Малевского-Малевича, издавшего в 70-е годы своеобразный манифест обновленного евразийства, в котором он на основе ряда политических концепций Н.Н. Алексеева и других евразийцев выдвинул программу сближения СССР и стран Запада против Азии в лице Китая [10].

С нашей точки зрения, работу С.С. Малевского-Малевича можно считать одним из вероятных путей эволюции евразийской модели идеального государства будущего. В рамках этой доктрины признается необходимость авторитарной политической системы для России, сочетающейся с основами западной демократии, гарантирующими права личности. Будущее евразийское государство Малевского-Малевича в гораздо меньшей степени противопоставляется Западу, нежели это было в эпоху расцвета

евразийства «Гарантийное государство» и «идеократия», о которых ведет речь Малевский-Малевиц, для него, прежде всего альтернатива коммунистическому тоталитаризму, а не упадочной, с точки зрения ортодоксального евразийства, западной парламентской демократии.

Таким образом, евразийство, изначально не определившее предельно четко свою идентификацию в рамках дуальности «Восток-Запад», пусть медленно и неуверенно, но все же могло двигаться в фарватере смягчения критики Запада и ассоциируемой с ним представительной модели демократии.

Литература

1. Ларюэль М. Ларюэль М. Идеология русского евразийства или мысли о величии империи. М.: Наталис. 2004. С.46.
2. Глебов С. Глебов С. Евразийство между империей и модерном: История в документах. М.: Новое издательство. 2010. С.107.
3. Евразийство (опыт систематического изложения) // Основы евразийства. /Сост. Агамелян Н., Галимова В., Гуськов А., Мелентьева Н., Зарифуллин П., Хрустов М. М.: Арктогея-Центр, 2002. С. 154
4. Указ.соч. С.153.
5. Ситнянский Г. Евразийство подлинное и мнимое // Информационно-аналитический центр. [Электронный ресурс]. URL: [http ://www. ia-centr. iu/expert/4107/ 127](http://www.ia-centr.iu/expert/4107/127)
6. В пер. с латинского – «сложная смесь»
7. Савицкий П.Н. В борьбе за евразийство // Континент Евразия. М. 1997. С. 171

8. Алексеев Н.Н. Духовные предпосылки евразийской культуры//в сб-ке Алексеев Н.Н. Русский народ и государство /сост. А. Дугин, Д. Тараторин. – М.: «Аграф». 2003.. С.147.

9. Алексеев Н.Н. Идея государства. СПб.: Издательство «Лань», 2001. С. 65-66.¹

10. Малевский-Малевич С.С. СССР сегодня и завтра. Париж, 1972.

Разин А.А., Кучуганова Е.В.,
г. Ижевск

О СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЕ КАК МОДЕЛИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Хотелось бы надеяться, что после заявления первых лиц России о необходимости строительства гражданского общества ситуация изменится в лучшую сторону. В нашей стране давно назрела необходимость перехода к гражданскому обществу, в котором представительная демократия гармонично сочеталась бы с непосредственной демократией, имелся бы паритет между государственными органами и общественными организациями, каждый член общества являлся бы не только объектом, но и субъектом управления. Какой бы умный правитель ни был у руля общества, без корректировки его действий мнением широких народных масс социальный прогресс не может осуществиться.

Страна – не судно и не оркестр, где действия капитана (дирижёра) не обсуждаются, а выполняются. Закономерности макросоциума принципиально отличаются от законов микросоциума. Игнорирование этого факта чревато историческими последствиями.

Усиление вертикальной власти в ущерб непосредственной (горизонтальной) власти может быть оправдано в чрезвычайных ситуациях. Но когда крупные политики и некоторые ученые утверждают, что сегодня Россия ещё не готова к демократии, возникает недоумение. А каким образом оказались готовыми крестьяне дореволюционной России жить в условиях общинного самоуправления? Разве можно научиться плавать, если не лезть в воду?